

ГЛАВА III. ПРУТСКИЙ ПОХОДЪ.

(1711 г.)

Въ первыхъ числахъ января 1711 года Рязанцамъ окончательно стало извѣстно, что король датскій далъ согласіе: „для общей безопасности отъ шведскаго крассовскаго корпуса, обрѣтающагося въ Помераніи, вступить туда, въ потребный случай, для разоренія оного корпуса, войскамъ датскимъ изъ Голштиніи, а саксонскимъ, соединясь съ нашимъ, которые подъ командою бригадира Яковлева опредѣлены были къ транспорту въ Датскую землю.“¹

Извѣстіе это застало полкъ расположеннымъ въ Мазовецкомъ воеводствѣ и, конечно, въ полной готовности къ походу.²

Генерала Гольца уже не было съ нами. Онъ былъ преданъ суду. При пѣхотныхъ полкахъ состоялъ бригадиръ Яковлевъ,—главное же начальство въ Польшѣ принадлежало хорошему знакомому Рязанцевъ—кн. Мих. Мих. Голицыну. Выступилъ ли полкъ въ указанный походъ и, вообще, каково было состояніе отряда, свѣдѣній не имѣется; однако, полученный вскорѣ собственноручный указъ Царя, номѣченный 10-мъ февраля 1711 года, не смотря на всю свою сжатость, заставилъ призадуматься нашихъ командировъ.

„Ежели ты, съ корпусомъ подъ командою вашею нынѣ обрѣтающимся,“ писалъ Петръ бригадиру Яковлеву,³ „по указу не пошелъ къ Гданску, или буде и пошелъ, но болѣе 10 или 15 миль не отделился отъ прежнихъ квартиръ, то съ тѣхъ мѣстъ онымъ войскамъ ходить до указу нашего далѣе не вели.“

Остановка эта ничѣмъ другимъ, какъ турецкими дѣлами вызвана быть не могла, говорили въ полку. Въ самомъ дѣлѣ. Еще въ двадцатыхъ числахъ января 1711 года, по вѣдомостямъ посла нашего Толстого изъ Константинополя, было извѣстно, что султанъ турецкій „противъ насъ явственно объявилъ войну, и что турки намѣрены сія зимы миръ нарушить, и короля шведскаго черезъ Польшу силою проводить.“⁴ Для объясненія такого неожиданнаго сюрприза необходимо вернуться къ событіямъ 1709 года.

Разбитый подъ Полтавой, Карлъ XII-й бѣжалъ въ Турцію, въ крѣпость Бендеры, откуда обратился съ письмомъ къ султану, прося защиты, и предлагая союзъ противъ Россіи. Благодаря интригамъ западно-европейской дипломатіи, король шведскій добился своего. Султанъ Ахметъ III, 20-го ноября 1710 года, объявилъ войну Россіи. Много помогли этому наши давнишніе счеты съ Турціей: взятіе Азова, постройка кораблей на Дону и укрѣпленій на южной границѣ, а также сношенія наши съ Черногоріей. Всѣ усилія Пѣтра склонить Порту къ миру были тщетны. Балтаджи-Магометъ паша, возведенный въ званіе великаго визира, получилъ повелѣніе выступить изъ Адрианополя съ 62 т. пѣхоты и 38 т. конницы въ Молдавію и силою возратить потери шведовъ.⁵

По первымъ о томъ извѣстіямъ, Государь, въ концѣ 1710 г., приказалъ кавалеріи, находящейся въ Польшѣ, подвигаться къ волошскимъ границамъ и къ Каменцу-Подольскому, и „ежели турки и татары станутъ провожать короля шведскаго черезъ Польшу, учинить надъ ними поискъ, и ихъ разбить.“

Немного позже, 5-го января 1711 года, Царь писалъ князю М. М. Голицыну:⁶ „въ Польшѣ всѣ войска совокупить вмѣстѣ, кромѣ того труна, который обѣщанъ датскому королю, и смотрѣть наипаче на Каменецъ, дабы турковъ не впустишь.“ И кавалерія съ кн. Голицынымъ выдвинулась изъ Польши къ юго-западнымъ границамъ. Уже происходили стычки съ татарами въ степяхъ Украйны.

Одновременно, изъ Ливоніи, Москвы и другихъ мѣстъ, потянулись на Воынь, Подоліе, русскіе полки. Главное начальство вручено фельдмаршалу графу Б. П. Шереметеву.

Такъ собираясь съ силами, все же думали—авось гроза пройдетъ. Принимать вторую войну на свои плечи, при тогдашнихъ условіяхъ, казалось тяжелымъ и такому гиганту, какимъ былъ Петръ Великій. Этимъ можно объяснить колебанія относительно нашего отряда. Но крайность заставила принять вызовъ; устремить все силы Россіи туда, откуда грозила наибольшая опасность. Спустя пять дней послѣ отправленія извѣстнаго намъ указа бригадиру Яковлеву, Царь послалъ обѣщанное къ указу дополнение: „понеже въ томъ корпусѣ все полки, кромѣ двухъ драгунскихъ, пѣхотные, которые нынѣ наипаче потребны противъ турокъ, нежели противъ шведовъ, того ради посланъ указъ къ генераламъ нашимъ, дабы они вмѣсто той пѣхоты отправили подъ команду твою толикое-жъ число драгунскихъ полковъ, а помянутую пѣхоту взяли-бы отъ тебя къ себѣ. И когда они къ тебѣ тѣ драгунскіе полки пошлютъ и станутъ приближаться къ тебѣ, то къ нимъ, вмѣсто того, пѣхоту всю немедленно отправить.“ Такимъ образомъ, Рязанцы неожиданно получили другое назначеніе.

Между тѣмъ, 25-го февраля, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи Царя, объявлено народу о войнѣ противъ враговъ Имени Христова.

6-го марта Государь съ Государыней выѣхали изъ Москвы въ армію и 13-го числа прибыли въ Луцкъ, гдѣ собирались пѣхотные полки графа Шереметева.

Указъ о причисленіи Рязанцевъ къ составу арміи, выступающей противъ турокъ, полученъ изъ Москвы посломъ нашимъ въ Польшу кн. Долгорукимъ 14-го марта, въ полку, слѣдовательно, могъ быть объявленъ не ранѣе 20-хъ чиселъ того же мѣсяца и, конечно, не сразу приведенъ въ исполненіе.

Для предстоящаго похода, первоначально, назначались три дивизіи: Репнина, Аларта и Меншикова (Княжеская), врученная ген. Вейде; теперь, сформировали еще четвертую—подъ командою генерала Энсберга. Дивизию Энсберга составили полки: Рязанскій, Черниговскій, Великолуцкій, Вятскій, Устюжескій. Первые достоверныя свѣдѣнія о походѣ полка въ Турцію, его маршрутъ движенія, начинаются лишь съ конца мая. Такъ, извѣстно, что въ мѣстечкѣ Долономъ, на Волыни, Рязанцы приняли въ добавокъ

77 человекъ рекрутъ. 30-го мая они были на походѣ, въ трехъ миляхъ позади дивизіи г. Вейде, занимавшей городъ Баръ.⁸ Дивизія Вейде считалась сильно отставшей; 29-го апрѣля встрѣчаемъ ее въ деревнѣ Колкахъ за Ковелемъ, въ 25 миляхъ позади первыхъ двухъ дивизій, 20-го мая въ Полонномъ, а 30-го мая въ Барѣ. Дивизія Энсберга слѣдовала за дивизіей Вейде еще въ одномъ, двухъ переходахъ. Рязанскій полкъ, такимъ образомъ, могъ выступить въ походъ около половины апрѣля и 1-го іюня находился въ Барѣ.

Къ этому времени положеніе дѣлъ было слѣдующее:

- а) кавалерія, перейдя Днѣстръ подъ Рацковымъ, направлялась въ Яссы и дальше къ Дунаю;
- б) дивизія Реннина у Бреславля (Брацлавъ);
- в) дивизія Аларта у Шаръ-города.

Общее направленіе пѣхотѣ указано на переправу черезъ Днѣстръ у м. Сорони.

Между тѣмъ, Государь, по приѣздѣ въ Луцкъ, 27-го марта, опасно заболѣлъ, что не могло не повліять на успѣхъ подготовки всей операціи. Кое какъ оправившись, Петръ Великій, послѣ свиданія съ польскимъ королемъ въ Ярославлѣ, отправился въ армію на Львовъ и Злочевъ. 1-го іюня Государь прибылъ въ Бреславль къ преданнымъ войскамъ своимъ. Несмотря на крайній недостатокъ въ провіантѣ, затруднительность подвоза котораго на огромныя разстоянія, по безводнымъ степямъ, усложнялась шнырявшими повсюду партіями татаръ, рѣшено продолжать маршъ черезъ рѣку Прутъ къ Дунаю, на встрѣчу турецкой арміи. Такое рѣшеніе оправдывалось расчетами на преданность Царю господарей Молдавскаго и Валахскаго, обѣщавшихъ снабдить насъ продовольствіемъ, и болѣе отдаленными надеждами на общее возстаніе христіанскихъ народовъ Турціи. До какой степени слабо подготовлена была оперативная часть похода видно изъ слѣдующаго донесенія г. Вейде, распорядившагося маршемъ и нашей дивизіи: „зѣло мнѣ печально,“ писалъ онъ Царю,⁹ „и пребезмѣрно болѣзненно, что надлежащіе магазины скудны и весьма неисправны суть, ибо отъ такого безпорядочнаго опредѣленія могутъ воинскимъ людямъ припадать великія остановки, пребезмѣрныя безпокойства, многія противности, о чемъ имъ особливо испытати принуждены.“ Но походъ продолжался.

Изъ Бара Рязанскій полкъ пошелъ мимо Бреславля, на Ямполь, къ Днѣстру. Обыкновенный порядокъ движенія до Днѣстра былъ такой:¹⁰ „обозы линією, въ 3 или 4, смотря по положенію мѣста;“ передъ фронтомъ пѣхота, съ лѣвой стороны обозовъ полки драгунскіе, а съ правой одинъ драгунскій полкъ. Въ авангардѣ шелъ квартирмейстеръ съ 300 рядовыхъ подъ командою маіора, они же и „пикеры“ (піонеры для строенія мостовъ). Когда становились лагеремъ, то „пѣхота во фронтъ,“ пушки полковыя между полковъ; канониры по часамъ; по тревогѣ пальба изъ одной пушки; тогда конскіе табуны всѣ сгонялись въ лагерь по полкамъ; по 2-му выстрѣлу всѣ приготовлялись, а по 3-му—строились въ походъ, не ожидая дальнѣйшихъ повелѣній. Главный пикетъ впереди лагеря составляли: 1 полковникъ, 2 маіора, 5 капитановъ, 5 поручиковъ, 500 рядовыхъ.

Такъ маршируя, медленно подвигался полкъ къ Днѣстру. Въ мясѣ недостатка не было, но въ провіантѣ сильно нуждались. Невольно поэтому взоры обращались назадъ, къ назначеннымъ намъ брацлавскимъ магазинамъ. „А нынѣ тамъ въ магазинѣ провіанту зѣло малое число,“ сообщалъ кн. М. М. Голицынъ¹¹ „и на дивизію Энсберга еще ничего не дано.“ Это было 7-го іюня, а черезъ шесть дней, 13-го числа, Рязанцы переправились черезъ Днѣстръ и вступили въ м. Сороки, гдѣ полкъ привѣтствованъ былъ и обласканъ Великимъ Царемъ.¹²

До сихъ поръ Государыня не покидала своего Вѣнценоснаго Супруга, но отъ береговъ Днѣстра начинались тѣ невѣдомыя стравы, гдѣ еще не ступала нога русскаго солдата. Государь хотѣлъ отправить Екатерину Алексѣевну съ дамами въ Польшу. На горячія однако просьбы „Его Царское Величество нехотя изволилъ, и оттого времени Государыня Царица всегда была съ Его Царскимъ Величествомъ Государемъ“ отмѣчено въ журналѣ.¹³

При мѣстечкѣ Сорокахъ соединялась вся пѣхота въ числѣ около 32 т. человекъ и свыше 100 орудій. Пунктъ этотъ, укрѣпленный ретраншаментомъ, образовалъ нѣчто въ родѣ промежуточной базы. Здѣсь Рязанцы приняли 115 ч. рекрутъ, сдали больныхъ, пекли хлѣба и во многомъ исправились. Благодаря сохранившейся полковой книгѣ, узнаемъ, что во главѣ полка находился все тотъ же полковникъ Равенштейнъ.

Штабъ-офицеры были: подполковникъ Панинъ, премьеръ-маіоръ Грибовцовъ, секундъ-маіоръ фонъ Тройль; ротами командовали¹⁴—капитаны: Кепигъ, Князь Григорій Мышецкой, Кислѣнской, Эльцбурхъ, Анзеръ; капитанъ-поручики: Обаринъ, Кишкаринъ, Лизинской.

Наличныхъ нижнихъ чиновъ въ строю было около 900 человекъ. Какъ генераламъ, такъ штабъ и оберъ-офицерамъ, наилучше подтверждено: на походъ при себѣ и при возахъ своихъ солдатъ не держать, и ради работъ своихъ не употреблять, а довольствоваться деньщиками, и ежели кто противенъ явится, тотъ будетъ жестоко наказанъ. О числѣ возовъ полковыхъ, собственныхъ и „харчевническихъ“ отобраны провѣренныя вѣдомости. Женамъ генеральскимъ и офицерскимъ при арміи отнюдь не быть.¹⁵

О неприятелѣ свѣдѣнія были крайне разнорѣчивы, но, во всякомъ случаѣ, визирь съ главными силами не могъ еще достигъ Дуная. За то татаръ и всякаго „хультайства“ таскалось безъ счету. Ихъ крѣпко осадила наша кавалерія съ фельдмаршаломъ Б. П. Шереметевымъ, который уже съ 5-го іюня стоялъ на рѣкѣ Прутѣ и оттуда, отъ урочища Цецоры, слезно писалъ:¹⁶ „большая опасность показуется, что провіантовъ нынѣ не имѣемъ, чего ради здѣсь оскуденія хлѣба начали ѣсть мясо; и все за благо разсудили, дабы Его Царскому Величеству изъяснить—весьма съ пѣхотою маршировать и силою дѣйствовать, и черезъ сильное оружіе около Дуная и къ Бучачамъ провіанты получить.“ Трудно было и Царю разсуждать иначе. Лишь только бы пройти безводныя степи, а тамъ, среди союзныхъ волоховъ, въ богатыхъ придунайскихъ городахъ, войска найдутъ все необходимое. И приказъ продолжать маршъ отданъ 18-го іюня. Не долго исправлялись Рязанцы.

Первымъ выступилъ Царь съ полками гвардіи, за ними—наша и Алартова дивизіи; дивизіи Вейде и Репшина выступили послѣдними.¹⁷ Маршъ направлялся къ рѣкѣ Пруту. Въ степяхъ стояли сильныя жары; походъ выдался ужаснымъ.

Собственноручная записка Царя такой представляетъ намъ маршрутъ движенія полка:¹⁸

„1 станъ—отъ Сороки до р. Кейнары—3 мили, 23 версты пятисотмѣрныхъ.

2 станъ—отъ Кейнаръ до р. Реута—3 мили, 17 верстъ.

3 станъ—отъ Реута до Бельзы рѣки—2 мили, 25 верстъ.

4 станъ—отъ Бельзы до Вешневца—4 мили, 31 верста.“

„Воды почитай нѣтъ. Отъ Вешневца до урочища Стратиль 10 миль; и хотя тутъ вода есть, однакожь самая худая: не только что людямъ пить, но и лошадямъ не можно, ибо многій скотъ и собаки, пивъ, померли тутъ. Отъ Стратиль до Прута 1½ мили, 12 верстъ. И тако безводными мѣстами идти отъ Бельзы до Прута 51 верста.“

„Сей маршъ отъ Днѣстра“, читаемъ въ Журналъ,¹⁹ „былъ очень трудень. У многихъ солдатъ шла кровь гортанію отъ зноя и жажды такъ сильно, что нѣкоторые, падши, отъ того умирали, а иные отверстіемъ жилы спасались.“

Въ ночь на 24-го іюня стали Рязанцы на рѣкѣ Прутѣ, измученные ужаснымъ походомъ, но полны нравственныхъ силъ, полны энергии справиться съ врагомъ, оправдать довѣріе Государя, раздѣлявшаго съ ними заодно труды и лишенія.

На встрѣчу Царю выѣхалъ господарь молдавскій Кантемиръ, но не какъ владѣлецъ, скорѣе бѣглець, съ ничтожными остатками своего войска. Подданные отъ него отступились; о заготовкѣ продовольствія не было и рѣчи. Другой союзникъ, господарь Валахій, Бранкованъ, вовсе не явился. Мечты на содѣйствіе христіанъ Турціи исчезли. Созванный при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ военный совѣтъ постановилъ:²⁰ „у Яссъ войску стать и дѣлать магазинъ.“ Между тѣмъ, получена вѣдомость, что турки „Дуная не переправились и еще будто не въ сборѣ, а потому (мы) зѣло прошены отъ господаря волошскаго и прочихъ чиновъ земли той, дабы ускорить непріятели къ Дунаю, представляя за рѣкою Сыретію великіе магазины, которые турки собрали около Браилова. „Того ради,“ говоритъ дальше реляція, „хотя и опасно было, на ихъ прошеніе соизволено. Чего для, положено: всему войску идти по правую сторону Прута, до урочища Фальцы (Фальчи), а оттолъ, черезъ лѣса, къ Сырети, куда командированъ съ половиною кавалеріи г. Рень для забиранія провіанта, чтобы случиться у Галаца и, устроивъ магазинъ, искать непріятели.“

Такъ опредѣлился планъ нашихъ будущихъ дѣйствій.

29-го юня, Рязанцы, пройдя вверхъ по рѣкѣ миль пять, переправились на правый берегъ Прута. Телерь начинались мѣста болѣе опасныя, еще болѣе не знакомыя; требовался безупречный, образцовый порядокъ. Въ строгой дисциплинѣ, въ виду турецкихъ и татарскихъ полчищъ, заключалась немалая доля успѣха.

И вотъ, въ приказѣ по пѣхотѣ на 30-го юня читаемъ:²¹ „понеже при маршахъ происходятъ великіе оплохи и частые неурядки, не точію отъ многихъ солдатъ, которые съ причины недостаточнаго дозрѣнія остаются позади, какъ пѣшіе, тако и съ ротными телѣгами, но тожъ и нѣкоторые офицеры ради прихотей своихъ такими мѣрами весьма грѣшатъ, и званіе свое мало берегутъ, и вмѣсто того, чтобы опасность и прилежное дозрѣніе надъ простыми имѣти, и сами не стерегутся... того ради, нашъ Всеславнѣйшій Монархъ за благо признати благоволилъ—учредить ближняго боярина кн. Юрія Феодоровича Шаховскаго генераломъ-гевальдигеромъ, котораго чинъ не точію вчерашняго числа во всѣ полки при паролѣ внятно объявленъ... И оному князю приказано всѣ оплохи при маршѣ надзирати; а особливо преступниковъ вѣшать безъ всякаго милосердія, дабы никто могъ отговоритьсѣя; велѣтъ сѣ объявить во всѣхъ полкахъ всякимъ чинамъ людямъ при барабанномъ битѣѣ. При семъ надобно отъ всѣхъ полковъ прислать ко оному князю списки полковымъ и ротнымъ профосамъ (отъ Рязанскаго полка полковой профосъ Афанасій Горскій), тожъ и заплечныхъ мастеровъ со всѣми инструментами.“

Инструкція генераль-гевальдигеру предписывала:²² „передъ началомъ марша собираются всѣ полковые профосы, заплечные мастера съ висѣлицей и кандалами, и становятся позади всей арміи; отсталымъ не по своей винѣ (заартачится ли лошадь, или гора случится) являть всякое вспомогагельство; въ виду непріятели наблюдать, чтобы офицеры и солдаты строя не оставляли, такихъ надлежитъ безъ всякаго милосердія вѣшать; за обиды жителямъ Волошской земли, хотя бы на алтынъ,—вѣшать немилосердно; если въ полкахъ будутъ безсторожны и мертвый скоть не погребутъ, то того полку профоса батожьями гораздо высѣчь, а съ того чья скотина доправитъ штрафу рубль; (послѣ тапты, вечерней зори)

«...отрѣтъ, чтобъ шуму и крику не было, и не позволять шинка-
мъ пойлу продавать; во всякихъ прочихъ неисправностяхъ про-
тивъ интереса Монарха никому не спущать.»

Между тѣмъ, принятый планъ дѣйствій пока безпрепятствен-
но приводился въ исполненіе: кавалерія ген. Рена (8 драгунскихъ
полковъ) пошла въ набѣгъ къ Браилову; сосредоточенная на пра-
вомъ берегу Прута русская армія повернула фронтъ къ югу и дви-
гулась на Фальчи.

Съ 5-го іюля двигалась въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди,
въ 2-хъ миляхъ, авангардъ генерала Януса (6 полковъ кавалеріи
и всѣ нерегулярныя войска), за авангардомъ—гвардія, полки: Ингер-
манландскій и Семеновскій, дивизія Аларта, потомъ наша дивизія
Эксберга, артиллерія, за артиллеріею дивизія Вейде; въ арьергар-
дѣ дивизія кн. Репнина.²³

Во время марша дозволено полкамъ, гдѣ возможно будетъ,
хлѣбъ жать, для чего „командировать отъ всѣхъ полковъ солдатъ
по разсужденію генераловъ.“ Жать хлѣбъ на офицеровъ заказано
подъ жестокимъ штрафомъ.

7-го іюля стояли спокойно на дневкѣ при урочищѣ Станилеш-
ти. Вдругъ, изъ авангарда, получено тревожное извѣстіе, что ми-
ляхъ въ шести отъ насъ появились войска визиря, наводятъ мо-
сты и уже около 2-хъ тысячъ янчаръ переправилось на правый
берегъ Прута. Пойманный ночью съ 7 на 8-го іюля татаринъ
Буджацкой орды далъ еще болѣе точныя свѣдѣнія, а именно:²⁴
„визирь хочетъ дать баталію около 10-го числа сего мѣсяца, для
чего всѣ переходятъ на Ясскую сторону рѣки Прута; войска ту-
рецкаго—янчаръ 60 т., спаговъ 40 т., да столько же татаръ Буд-
жацкой и Крымской орды; всего 140 т., а они татары всѣ стоятъ
нынѣ по лѣсамъ.“

Положеніе стало критическимъ. Великій визирь Магометъ
паша дѣйствительно съ огромными силами переправился черезъ
Дунай у Исакчи, двинулся сначала по лѣвому берегу Прута, по-
томъ, 6-го іюля, руководимый шведскимъ генераломъ Спарре, пе-
решель на правый берегъ, занялъ Фальчи, и этимъ удачнымъ
движеніемъ отрѣзалъ генерала Рене отъ сообщеній съ арміей.

Въ результатѣ передѣ фронтомъ 38 тысячной нашей арміи, лишенной въ рѣшительную минуту поддержки 8 полковъ конницы, на правомъ берегу Прута, оказалось свыше 100 т. отборнаго турецкаго войска; около 100 т. татаръ на лѣвомъ берегу отрѣзывали путь отступленія. Былъ еще исходъ — податься вправо на рѣку Сереть, соединиться съ конницей у Браилова и дѣйствовать по обстоятельствамъ, задерживая турокъ на переправахъ. Геній Петра, дисциплина и высокія качества русскаго солдата могли оказать чудеса. Но такому рѣшенію мѣшала слабая вообще подготовка похода: недостатокъ продовольствія, предстоящій маршъ по безводнымъ степямъ, да и время было упущено. Авангардъ Януса не оказалъ никакого сопротивленія переправѣ турокъ черезъ Прутъ. О непріятелѣ достовѣрно узнали тогда, когда онъ на плечахъ авангарда подступилъ чуть ли не къ самому нашему лагерю. Справедливо поэтому замѣчаетъ походный журналъ: „Янусъ, потерявъ куражъ, не сдѣлалъ такъ, какъ доброму генералу надлежитъ.“

Государю ничего другого не оставалось, какъ, по первымъ тревожнымъ извѣстіямъ, приказать авангарду отходить на главныя силы т. е., другими словами, принять бой въ самыхъ отчаянныхъ условіяхъ.

Еще не окончился допросъ пойманнаго. Буджацкой орды тарина, какъ на разсвѣтѣ 8-го іюля, подъ громъ канонады, показали отступавшіе полки арьергарда. Въ помощь къ нему двинута наша дивизія. Моментально стали въ ружье Рязанцы и усиленнымъ маршемъ двинулись впередъ. Скоро мѣткій ихъ огонь охладилъ пылъ турецкихъ спаговъ, а со стороны лагеря заговорила артиллерія.²⁵ Отбивъ спаговъ, Рязанскій полкъ повернулъ на прежнюю позицію, гдѣ вся армія „окинувся рогатками, мною пушечною пальбою била по непріятелю.“

Наступила ночь. Огромное зарево лагерныхъ огней покрыло небо. Отъ непріятеля дѣлило насъ разстояніе не болѣе версты. А Государь, между тѣмъ, приказалъ „обозы тягостныя оставить, непотребное пожечь и отступать отъ Станилишекъ, ради тѣснаго мѣста, на сѣверъ, вдоль Прута.“ Мигомъ исполнено приказаніе. Около полуночи войска выступили. Въ авангардѣ шелъ съ дивизією князь Репнинъ, потомъ дивизія Вейде, артиллерія, Рязанцы

въ дивизіи Эисберга и кавалерія Аларта, — въ арьергардѣ — гвардія
остальные полки; обозы въ серединѣ.²⁶

Объ отступленіи русскихъ турки свѣдали часа за два до раз-
свѣта и, конечно, повели энергичное преслѣдованіе, благо недоста-
токъ конницы съ нашей стороны, какъ нельзя болѣе этому спо-
собствовалъ. Неудивительно поэтому, что при отступленіи „нѣко-
торые багажи, такожь и скоть непріятель отбилъ. Военной канце-
ляріи дѣла пропали съ извощикомъ въ переправѣ на рву.“ Прои-
дя, такимъ образомъ, съ милію войска остановились въ долину
Прута, „гдѣ мѣсто пространное,“ между рѣкой и дорогою изъ Фальчи
въ Стефанешти.

Избранное подѣ напоромъ противника мѣсто для боя, разу-
мѣется, позиціей названо быть не могло. Примкнувъ обоими
флангами къ Пруту, русская армія образовала неправильной формы
каре. Сѣверный фасъ каре, протяженіемъ около 700 саж., занимали
34 баталіона, прикрытые рогатками. На этой сторонѣ находились
два Рязанскихъ баталіона, имѣя съ правой стороны Великолуцкій,
а съ лѣвой — Нарвскій полки. Впереди фронта Рязанцевъ, шагахъ
въ трехстахъ, болотистая, поросшая кустарникомъ площадь, въ дли-
ну и ширину немного больше версты. Западный фасъ каре, въ видѣ
двухъ исходящихъ угловъ, занималъ около 200 сажень, а южный
около 60 сажень. Западный и южный фасы прикрыты землянымъ
рвомъ глубиною въ 3 фута. Полковая артиллерія при полкахъ
въ окопахъ. Возлѣ Рязанскаго полка окопъ на три орудія, фронтомъ
на западъ. Внутри каре — обозы вагенбургомъ, тамъ же ставка Царя
Петра Великаго и Царицы, кавалерія, вся прочая артиллерія и пар-
ки. Восточный фасъ каре прикрытъ надежно рѣкой Прутомъ, бе-
рега которой въ этомъ мѣстѣ обрывисты, подмыты водой, что
съ трудомъ позволяло добывать ее для людей. Правый берегъ со-
вершенно ровный, пустынный, на лѣвомъ — дологія высоты спус-
каются къ рѣкѣ вдоль дороги изъ Леова въ Воганешты.

9-го іюля выпало въ понедѣльникъ. Весь день шла непре-
рывная стрѣльба; подѣ громъ ея устраивались наши храбрецы,
безпрестанно атакуемые конными спагами. Но вотъ, подоспѣли
и янчары, а на лѣвомъ берегу Прута, по высотамъ, противъ наше-
го лагеря, развернулись 22 знамена турецкой и татарской кавалеріи.

Часа за три до заката солнца турецкая пѣхота пошла на штурмъ а конница, на подобіе саранчи, разсыпанная повсюду, наступала съ великимъ крикомъ. Нестройно поведенную атаку наши встрѣтили жестокимъ огнемъ. Турки дрогнули; недоходя шаговъ 100 до рогатокъ, остановились, „и учинился бой великій изъ мелкаго оружья.“ Особенно сильно неприятель напиралъ на южномъ фасѣ, гдѣ стояли полки дивизіи Аларта, что, когда выяснилось, Государь подкрѣпилъ угрожаемое мѣсто нѣсколькими полками и артиллеріей. Ядра и картечь посыпались на штурмующихъ. Наконецъ турки отхлынули, потерявъ свыше 7 т. человекъ. „И ежелибъ за ними слѣдовать, хоть мало,“ говоритъ современная реляція,²⁷ „то бы полную викторію получить могли, но обозы окопать некогда было, чѣмъ воспользовалась бы турецкая конница.“

Съ наступленіемъ ночи стрѣльба немного поутихла. Штурмъ отбитъ. Но надежды на улучшение положенія никакой не было. Какъ только глазъ могъ окинуть, по огромной стени, вездѣ видѣлись турецкія лагеря. 100 т. пѣхоты, 120 т. конницы, 50 т. татаръ при 470 орудіяхъ казалось должны были уничтожить русскихъ храбрецовъ съ ихъ Великимъ Царемъ.²⁸

Ночь прошла въ чрезвычайномъ напряженіи. Стрѣльба, хотя и рѣдкая, не умолкала, вывода поминутно изъ строя людей и лошадей. На разсвѣтъ 10-го іюля, во вторникъ (на положеніе Рызы Господни), турки, подъ личнымъ руководствомъ визиря, приступили къ постройкѣ окоповъ съ двухъ сторонъ нашего кара, вооружили окопы тремястами пушекъ, и открыли бомбардировку. Очевидно неприятель рѣшилъ взять насъ правильной осадой. Грохотъ орудій потрясалъ воздухъ, не переставая, до двухъ часовъ пополудни. Наши отвѣчали изъ 69 полковыхъ пушекъ, 22 мортиръ и 2 гаубицъ. Но и для героевъ есть невозможное. Это ясно сознавалъ Петръ Великій. Силы наши таяли. За двое сутокъ армія потеряла 2856 человекъ, провіанту почти уже не было, а огнестрѣльные припасы на исходѣ.

Рязанскій полкъ потерялъ убитыми: 1 капрала, 48 рядовыхъ; тяжело ранены: поручикъ Безобразовъ и прапорщикъ Москалевъ въ правое бедро пулей; число раненыхъ нижнихъ чиновъ, неизвѣстно. Убыль, слѣдовательно, одними убитыми составляла на полкъ 16%.²⁹

До двухъ часовъ пополудни 10-го іюля артиллерія Рязанскаго полка, состоящая изъ 2-хъ трехфунтовыхъ пушекъ и 2-хъ шести фунтовыхъ мортиръ выпустила: патроновъ съ ядрами 70, картечи 2. Въ 4-хъ полковыхъ ящикахъ еще оставалось:³⁰ ядеръ 90, картечи 78, свѣчь палительныхъ 45, скорострѣльныхъ трубокъ 172, фителя 90 саж., гранать 6 фунт.—105; при 4-хъ въ полку орудіяхъ состояло здоровыхъ канонировъ 2, фузилеровъ 4. Боевыхъ припасовъ, такимъ образомъ, могло хватить еще дня на два, на три, при усиленной стрѣльбѣ. Въ такомъ положеніи были и всѣ прочіе полки.

Разсудивъ все это, Царь послалъ около полудня 10-го числа письмо къ великому визиру съ предложеніемъ начать переговоры, вслѣдъ за тѣмъ, въ турецкій лагерь отправился канцлеръ баронъ П. П. Шафировъ. Открывая переговоры, Петръ готовилъ вмѣстѣ съ тѣмъ войска къ рѣшительному штурму на непріятельскіе окопы. Съ вечеру пушечная пальба совершенно утихла. Ночь прошла спокойно. Наступила среда 11-го іюля. Рязанцы весь день съ великимъ поспѣшеніемъ готовились къ походу. Созванный въ ставку Царя военный совѣтъ принялъ слѣдующее рѣшеніе, объявленное по полкамъ:³¹ „ежели непріятель не согласится на миръ, на предложенныхъ условіяхъ, и потребуетъ сдачи, то пробиться, и съ боемъ идти вверхъ по рѣкѣ Пруту. Того ради, немедленно приготовиться къ маршу; и патроновъ и картечь было бы довольно число; а за скудностью пулекъ съчь желѣзо на дробь, и то все приготовить сего 11-го числа, къ 4 часамъ пополудни. Телѣгъ взять: генералу полному 6; генералу-лейтенанту отъ артиллеріи 5; генералу-поручику 4; генералу-маіору 2; бригадиру 2; полковнику 1; прочимъ вьюки. Лошадей въ тѣхъ возахъ имѣть лучшихъ. Генераламъ имѣть по одной коляскѣ, а прочимъ никому не имѣть; а у кого есть жены, верхами бы ѣхали, а лишнее все оставить; а лошадей употребить съ собою для солдатъ и бѣдныхъ офицеровъ. Лошадей артиллерныхъ добрыхъ взять, а худыхъ, нетокмо артиллерныхъ, но и всѣхъ, побить и мяса наварить, или напечь, и сіе какъ возможно наискорѣе учинить. Артиллерію тягостную, такожъ которыя ненадежныя, разорвать и бросить въ воду. Бомбы и тайныя вещи тѣмъ же образомъ учинить. Провіантъ подѣлать

поровну, по полкамъ, а какъ провіантъ, такъ и мясо нести на себѣ. И конечно, за скудностью скотины, не жалѣя лошадей и не гнушався худыми, чтобъ было на недѣлю. Деньги устроить въ малыя телѣжки, которыя нынѣ есть въ артиллеріи, а буде телѣжекъ столько не будетъ, то разложить по лошадямъ въ сумкахъ и въ мѣшкахъ и имѣть въ запасѣ при двухъ третью лошадь.“ Когда многое поэтому повелѣнію было уже исполнено, около полудня, прибылъ въ лагерь баронъ Шафировъ и объявилъ, что миръ съ турками заключенъ. Съ болью въ сердцѣ согласился Петръ уступить Турціи обратно Азовъ. Но миръ былъ купленъ безусловно ничтожной цѣной. Миръ разбивалъ интриги запада, развязывалъ нашему Великому Государю руки на сѣверѣ, гдѣ прорублено было уже окно въ Европу, гдѣ немного оставалось сдѣлать, чтобъ увѣнчать полнымъ успѣхомъ геніальные замыслы Петра. Но и воинская слава осталась незапятнанной. Тяжелыя дни прутскаго похода доказали всю необъятную мочь Великаго Царя Россіи, какъ Государя и полководца. Поведенію Его и доблести російскихъ войскъ, среди которыхъ Рязанцы занимали не послѣднее мѣсто, донныѣ удивляются друзья и недруги, а самая неудача превратилась во что то героически чудное, украшающее родную исторію.

На Прутѣ засиживаться было нечего. Какъ не утомлены были войска шестимѣсячнымъ походомъ и кровавымъ боемъ, турки другъ не надежный, а обстановка слишкомъ тяжелая.

12-го іюля полкъ провелъ еще въ старомъ лагерѣ, 13-го съ разсвѣтомъ двинулся въ обратный походъ и, пройдя полъ миль, ночевалъ въ лѣсу близъ рѣки Жижи.

Дальнѣйшій маршъ совершали исподоволь, медленно, „понеже лошади отъ безкормицы многія пристали.“ Только 20-го іюля достигли Рязанцы переправы на рѣкѣ Прутѣ у Степановцы, гдѣ наведены понтонные мосты.

Отъ р. Прута объявленъ былъ слѣдующій маршрутъ:³²

До Могилева	8 миль.
„ Шаръ-Города	8 „
„ Немирова	5 „
„ Бѣлой Церкви	17 „
„ Кіева	12 „

Черезъ Прутъ, при сильномъ дождѣ, перешелъ полкъ 23-го юля, а 24-го, въ 4 часа утра, двигался дальше. Ночлегъ имѣли, пройдя 2 мили, у урочища Селища, на рѣчкѣ Шугамѣ, въ степи, у безлѣснаго мѣста. 26-го юля, подъ личнымъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева, Рязанцы переправились черезъ Шуголь, а 27-го были въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, пройдя 6 миль, совершенно безлѣсными мѣстами.

У Могилева полкъ простоялъ до 5-го августа въ ожиданіи наводки моста и очереди переправляющихся частей. А тѣмъ временемъ отовсюду спѣшили подвезти провіантъ. Изъ Немирова и Бѣва тянулись обозы; провіантъ сплавлялся и изъ Польши, внизъ по Днѣстру, на плотахъ.

Судя по вѣдомостямъ о дачѣ провіанта, въ Рязанскомъ полку, въ 2-хъ его баталіонахъ, числилось всѣхъ чиновъ 1009 человекъ. Въ Могилевѣ Рязанцы нѣсколько дней тѣшились счастьемъ самаго близкаго общенія съ Монархомъ. Государь ежедневно осматривалъ полки, наблюдалъ за работою мостовъ и благодарилъ за вѣрную, молодецкую службу.

3-го августа, въ пятницу, выслушавъ обѣдню, Царь, щедро одѣливъ всѣхъ, простился съ войсками и, какъ сказано въ журналѣ, „изъ арміи отъ Могилева поѣхалъ въ свой путь.“ 6-го августа полкъ прибылъ къ Шарь-городу. Здѣсь генералъ Энсбергъ отпущенъ въ свое отечество, а дивизія наша отдана подъ начальство генералу Вейде, причемъ Устюжскій полкъ переведенъ въ дивизію г. Аларта. Съ извѣстнымъ сподвижникомъ Петра генераломъ Вейде Рязанцы давно были знакомы и отъ такой перемѣны могли только выиграть. Заготовивъ хлѣба въ теченіи 7-го числа, полкъ отъ Шарь-города 8-го августа пошелъ особымъ трактомъ къ Острогу. Слѣдуя на Барь, Межибужье, Пиковъ, Острополье, полкъ 21-го августа прибылъ въ м. Полонное для „успокоенія.“ Въ Полонномъ основалъ свою главную квартиру фельдмаршалъ Б. П. Шереметевъ. Совершенный походъ отозвался чрезвычайно тяжело на полку. Только теперь можно было подвести итоги. Бѣжавшихъ оказалась порядочная цифра—113 человекъ, отъ трудовъ и болѣзней померло столько же, т. е. 113.³³

Вотъ въ какихъ словахъ доносилъ Царю новый нашъ начальникъ о состояніи полка, по прибытіи его въ Полонное:³⁴ „попозже дивизія Энсберга опредѣлена въ моей командѣ, всеподданнѣйше доношу, что оныя полки состоятъ зѣло въ маломъ числѣ, но какими мѣрами оныя тако отягчали подлинно вѣдати не могу, точію мно причинѣ быти отъ недостаточнаго призрѣнія къ болящимъ; и во истинно: бывають такія злыя времена, что при полкахъ скорбнымъ добраго способа показати невозможно, о чемъ особливо повсегодныя рекруты зѣло ясно показываютъ. Того ради, которые мнѣ быти, за лучшее посредство учинити при всѣхъ дивизіяхъ (како въ европейскихкихъ сторонахъ) лазаретъ, гдѣ больнымъ не точію учреждены бывають добрые врачи и удобныя покои, но тожъ опредѣляется имъ особливыя люди, которые готовятъ пищу, моютъ платіе, дѣлають ложи и чиняють такимъ хворымъ всякое призрѣніе. Ей, Государь! Такими мѣрами не точію возможно больныхъ и раненыхъ зѣло добро и благонадежно сберегати, но и всѣмъ полкамъ есть въ томъ великая отрада, ибо болящими никогда связаны бывають, меньше же опасенія имѣти могутъ приличивыхъ болѣзней.“

Государь вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе своего генерала, но не такія были времена. Скоро извѣдали это Рязанцы. 4-го сентября, въ Полонномъ, полученъ указъ Его Царскаго Величества, писанный изъ Варшавы 20-го августа:³⁵ „ежели король шведскій пойдетъ на Каменецъ, то генерала Репнина съ его такожъ и съ бывшей Энсберговою дивизіями и гвардію отправить по Бугу къ Прусамъ; буде король пойдетъ инымъ путемъ, или отпускомъ замедлится, то отправить къ Смоленску нынѣ, для того, ежели замѣшкаются, то отъ Смоленска Двиною не успѣють къ Ригѣ.“

По этому указу, Рязанцы, вмѣстѣ съ полками—Гренадерскимъ, Вятскимъ, Черниговскимъ и Луцкимъ, подъ общей командой г.-м. Головина, 6-го сентября, выступили къ Кіеву и далѣе въ Смоленскъ.

Въ Смоленскѣ отъ губернатора Салтыкова принялъ полкъ 505 человекъ рекрутъ и, ранней весной 1712 г., плавнымъ маршемъ по Западной Двинѣ, выступилъ въ Ригу, куда призывала его воля Царя-Полководца, на новыя труды, на новыя подвиги.

Какъ ни тяжелы были для Россіи событія 1711 года, однако, не остановили онѣ организаціонныхъ работъ въ арміи. Съ этого

именно года началась систематическая сводка частных распоряжений, послѣдствіемъ которой являются: окончательное распределение полковъ на доходы по губерніямъ, изданіе штатовъ, табелей и проч.³⁶

Рязанскій полкъ причисленъ къ Московской губерніи и въ табели впервые фигурируетъ названіе— „*бывшій Ланга полкъ*“, что, впоследствии, дало поводъ къ неправильному заключенію о порядкѣ его сформированія и первоначальнаго наименованія.³⁷

Благодаря такой систематизаціи, наконецъ, мы, Рязанцы, имѣемъ возможность, начиная съ 1711 года, отчетливо судить объ развитіи полковаго хозяйства, матеріальной части и перемѣнахъ въ личномъ составѣ.

